

— Цзи Шаотин, с тех пор как я встретил тебя, я больше ни с кем не был. Разве ты не должен мне этокомпенсировать? Что с того, что это ненастоящее? Если сделаешь — станет настоящим.

Кости Цзи Шаотин внезапно напряглись, словно сжались в единый узел. Он смотрел на Ли Чэня, словно наблюдал за войной.

Прошло некоторое время, прежде чем он вспомнил, как говорить. Слова с трудом формировались на его губах:

— П-прости меня, господин Ли, я... я...

Ли Чэнь увидел, как его глаза покраснели.

— Я не хотел, я просто... — Цзи Шаотин говорил бессвязно, сам не зная, что хочет сказать. Обычно красноречивый, теперь он мог произнести лишь три слова:

— Простите... простите...

Ли Чэнь смотрел на него какое-то время, словно окаменев, а затем внезапно крепко обнял.

Цзи Шаотин дрожал.

Не так, — пробудился Ли Чэнь. — Не так. Он не хотел пугать Цзи Шаотин.

Цзи Шаотин был таким хорошим. Он хотел держать его дома, видеть каждый день, не пропуская ни мгновения. Как он мог позволить себе напугать его до такого состояния?

Он не хотел. Он действительно не хотел. Он просто... просто не хотел слышать, как Цзи Шаотин отрицает их отношения.

Это не было ненастоящим.

Цзи Шаотин будет всегда рядом с ним. Не только эти несколько лет, а всегда, всегда рядом.

Оказывается, даже если бы его мать не предложила ему жениться, он в конечном итоге сам бы это сделал. Ему нужно было использовать этот мирской способ, чтобы привязать Цзи Шаотин, потому что их встреча была слишком случайной. Тот вечер ранним летом, когда он проезжал мимо фонаря.

Иногда Ли Чэнь думал, что если бы он тогда выбрал другую дорогу, он никогда бы не встретил Цзи Шаотин.

В долгом течении времени они продолжали бы расходиться, минута за минутой, пока, возможно, не наступила бы старость, и он, лежа на смертном одре, не смог бы понять, почему его жизнь, казалось бы, была полна всего, но в то же время была пуста. Было множество чувств, но каждое из них было лишено яркого присутствия.

Цзи Шаотин, словно маленькое животное, готовое умереть, постепенно затих в объятиях Ли Чэня. Ли Чэнь наклонился, слегка коснувшись уголка его глаза. Цзи Шаотин рефлекторно попытался уклониться. Ли Чэнь замер, затем медленно произнес:

— Не бойся меня.

— Сегодня вечером нам было так хорошо, не так ли? — спросил Ли Чэнь.

Голос Цзи Шаотин был слаб:

— Да, было хорошо...

— Завтра вечером будет так же. Завтра мы поедем смотреть на море, поплывем на моей яхте.

Этот продукт классового общества только усиливал отвращение Цзи Шаотин. Он избегал взгляда Ли Чэня, говоря:

— Не нужно, господин Ли. Просто посмотреть на море будет достаточно.

Ли Чэнь, стремясь угодить Цзи Шаотин, быстро согласился:

— Как скажешь. Сегодняшний вечер не имеет значения, забудь его. У нас будет завтрашний вечер — нет, не только, Тинтин...

Ласковое имя почти сорвалось с его губ, словно он давно его пережевывал, даже заучил наизусть. Цзи Шаотин замер, подняв глаза на глубокий взгляд Ли Чэня.

— У нас будет много-много вечеров, — Ли Чэнь пристально смотрел на Цзи Шаотин. — Очень много.

Ли Чэнь действительно сдержал свое слово и повез Цзи Шаотин смотреть на море, перестав называть его полным именем.

Когда он произносил «Тинтин», это звучало особенно, словно он добавлял задний носовой звук, создавая ощущение чрезмерной серьезности.

Обращение часто указывает на качественное изменение в отношениях, но Цзи Шаотин не чувствовал близости с Ли Чэнем, только тревогу.

Эта тревога особенно проявлялась, когда они оставались наедине. Ли Чэнь был как лев, иногда проявляя милые черты кошачьих, но чаще всего он был олицетворением опасности, всегда готовый внезапно наброситься и укусить. Служить ему было равноценно каторге, а срок Цзи Шаотин казался бесконечным.

К счастью, реабилитация Чэнь Пэй после операции проходила успешно, и на этой неделе она могла вернуться домой. В присутствии старших Ли Чэнь всегда сдерживался. Однако облегчение Цзи Шаотин длилось недолго, потому что накануне выписки Чэнь Пэй Ли Чэнь внезапно, с уверенным тоном, велел ему собрать вещи в комнате:

— Переезжай вниз.

Цзи Шаотин понимал, что он имел в виду, но все же хотел уточнить:

— Переехать вниз?

— В мою комнату, — Ли Чэнь положил нож и вилку, вращая кольцо на безымянном пальце, не глядя на Цзи Шаотин. — Ты хочешь, чтобы моя мама думала, что мы спим в разных комнатах?

Этот аргумент не оставлял места для возражений. Весь мир Цзи Шаотин задрожал. Ли Чэнь отодвинул стул, больше ничего не сказал и вышел из комнаты.

Хотя они все еще находились под одной крышей, переезд из комнаты в комнату был своего

рода переездом. Цзи Шаотин потратил целый день, медленно перенося свои вещи с второго этажа на первый, размещая их рядом с вещами Ли Чэня.

Ли Чэнь после ужина обычно делал несколько статических упражнений. Когда он поднялся из тренажерного зала, Цзи Шаотин только что вышел из душа, его мягкие черные волосы стали еще более гладкими, влажными и теплыми.

Цзи Шаотин был бережливым человеком, его пижама состояла из старых вещей, в основном футболок, подаренных на мероприятиях. Сегодня он носил белую футболку с надписью на английском о защите окружающей среды, выцветшую и мягкую от стирок.

— Подождите, — Цзи Шаотин, увидев Ли Чэня у двери, накинул полотенце на голову. — Я быстро высушу волосы и выйду.

Ли Чэнь сказал, что не торопится, оглядываясь по сторонам, замечая, что все принадлежности в ванной были парными.

Цзи Шаотин сказал, что быстро высушит волосы, и действительно сделал это быстро, словно боясь помешать Ли Чэню. Он взял фен и поспешно вышел. Ли Чэнь не любил, когда он избегает его, и остановил его. Цзи Шаотин стоял перед ним, словно наказанный, не зная, что делать:

— Господин Ли, что-то случилось?

Ли Чэнь не двигался, рассматривая Цзи Шаотин с головы до ног.

Его тело все еще было окрашено румянцем после душа, что на фоне белой футболки выглядело особенно ярко, почти неестественно. Ли Чэнь хотел раздавить его.

С кончиков волос все еще капала вода, капли стекали по его шее и исчезали под воротником, оставляя едва заметный участок кожи, который выглядел невероятно невинным. Такое чистое тело, ничего не знающее...

— Ложись спать, — Ли Чэнь закрыл дверь ванной.

Когда Ли Чэнь, опираясь одной рукой о стену, двигал бедрами, Цзи Шаотин сушил волосы, беспокоясь, что не сможет уснуть. Однако это беспокойство исчезло, как только он укрылся одеялом. Оказалось, что Ли Чэнь даже постельные принадлежности заказал у специалистов, настолько мягкими и удобными они были, что Цзи Шаотин невольно вытянулся.

Он боялся, что, если не сможет уснуть, это повлияет на качество сна Ли Чэня, поэтому специально пропустил дневной сон, занимаясь весь день мелкими делами. Но кровать была настолько удобной, что, закрыв глаза, он почувствовал, как тело становится тяжелым.

Кровь текла по венам, пальцы согрелись.

Когда Ли Чэнь вышел из ванной, он увидел Цзи Шаотин, лежащего в кровати, с выражением покоя, которому позавидовал бы любой. Его сон был настолько безмятежным, что казалось, будто он лежит в облаках. Ли Чэнь постоял у кровати некоторое время, прежде чем подавить возбуждение, выключил свет и осторожно приподнял край одеяла.

Он не хотел будить Цзи Шаотин, но, возможно, тот еще не успел глубоко заснуть, почувствовав движение рядом, он смутно открыл глаза. Ли Чэнь услышал, как в темноте раздался голос:

— Господин Ли...

Голос Цзи Шаотин всегда был мягким, но сейчас, в полусне, он звучал с легкой долей чувственности. Ли Чэнь не мог сдержать фантазий о том, как этот голос будет звучать в момент страсти, не замечая, как задержал дыхание, ожидая, что Цзи Шаотин скажет еще что-то.

Прежде чем Цзи Шаотин заговорил, раздался легкий шорох ткани.

Он подвинулся к другой стороне кровати, освобождая место, и снова позвал:

— Господин Ли... Я согрел постель, ложитесь.

Ли Чэнь застыл в темноте, Цзи Шаотин не мог разглядеть его выражение, но чувствовал, что тот смотрит на него. Ему стало немного неловко, и он добавил с легкой улыбкой:

— Я так старался согреть ее, не теряйте тепло.

Ли Чэнь устроился в тепле Цзи Шаотин, повернувшись к нему боком. Тишина в воздухе была настолько густой, что Цзи Шаотин почувствовал дискомфорт, и он начал болтать:

— Господин Ли, вы долго мылись.

— Да, — Ли Чэнь в густой темноте различал контуры Цзи Шаотин, отвечая низким голосом. — Потому что зима.

— Это правда, зимой хочется дольше мыться, — Цзи Шаотин улыбнулся. — Кажется, вы любите зиму, не так ли?

<http://bllate.org/book/16306/1470718>